

Книги Евгения Щепетнова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

БЛУЖДАЮЩИЕ ТЕНИ

СЛАВА. ГЛАДИАТОР ПОНЕВОЛЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ

СЛАВА.
ГЛАДИАТОР ПОНЕВОЛЕ

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 1992 году
Выпуск 832

Художник
В. Федоров

Щепетнов Е. В.

Щ56 Слава. Гладиатор поневоле: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1419-2

Возвращаясь домой с работы, ты считаешь, что сейчас насладишься банкой пива и горячим борщом? Нет, не выйдет! За углом тебя уже ждет космический корабль работяг — зеленых человечков. Смешных? Да ничего смешного в них нет: ужас, грязь, смерть и унижение — вот что тебя ждет на гладиаторской арене! Ты будешь биться за свою жизнь и за жизнь ставших тебе близкими людей, стиснув зубы, покрытый кровью и ранами! Выживешь ли ты? Не потеряешь ли человеческий облик? Зависит только от тебя! А пока перед тобой — очередной монстр! Вперед, Слава! И пусть не дрогнет твоя рука!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1419-2

© Щепетнов Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Удар! Еще удар!

«Где у этого чертова маркума мозг? Вспоминай, Слава! Один, маленький, в голове, другой возле позвоночника, на спине! Оп! Кувырок, отбил удар — и чуть не снес голову, скотина двухметровая. Хорошо хоть скорость у него не такая, как у меня... Подкат! Ага! Без одной ноги-то не побегаешь, да?! Славно я ему колено разрубил! Теперь зайти со спины...»

Прыжок! Кривой клинок, похожий на серп, вонзился в позвоночник фиолетового чудовища, уродливое создание замерло на секунду, а потом начало падать на бок, мелко подергиваясь и суча ножищами в сапогах со стальными шипами — именно ими оно собиралось выпустить кишки человеку.

Слава устало облокотился на барьер и посмотрел вокруг — трибуны молчали. Не понравился бой? Он опустил глаза и глянул на лежащих на арене монстров — один против трех, это было довольно сложно, не курице голову отрубить... чего эти твари молчат?!

И тут как будто в ответ на его мысли амфитеатр взорвался криками, ревом и трубными голосами тех, кто наблюдал за боем и делал ставки. Существа встали с мест и начали размахивать руками, щупальцами, хоботами и всеми частями тел, которыми можно махать. Одни радовались тому, что он выиграл, и подсчитывали барыши (на него ставили один к двадцати), другие негодовали и вопили, что их надули — выставили на арену не обычного гуманоида, а модифицированного. Впрочем, все было как всегда. Всегда

имелись недовольные проигрышем. Наконец дверь в стене арены раскрылась и появились охранники с нацеленными на гладиатора лучеметами. Старший, сняв черный непрозрачный шлем с острым клиновидным забралом, сказал:

— Давай в казарму. Сегодня ты честно заработал свой ужин. Сейчас тебе прилепят медицинского слизняка, потом в душ, и можешь быть свободен... ну... почти свободен. В пределах казармы. — Охранник усмехнулся и громко хлопнул по плечу хмурого человека, потом пошел вперед, не оглядываясь и не проверяя, идет за ним гладиатор или нет.

Слава пошел за ним, придерживая разрубленную левую руку. Кровь уже не текла ручейком, как раньше, только капала на пол частыми красными каплями, отмечая его путь маленькими метками, как на экране навигатора.

ГЛАВА 1

Вячеслав угрюмо тащился домой после родительского собрания. Оно было нудным, глупым, бесполезным и оставило в душе тяжелый след. Все шло как всегда — он распинался по поводу учебы детей, родители делали вид, что им интересно, но явно ждали, когда эта тягомотина закончится и можно будет пойти домой, всыпать своим неслухам-детям, а потом, осуществив родительские контроль и воспитание, со спокойной душой открыть бутылку пива или включить любимый телевизор с сериалом о страстях в шахском гареме.

Слава уже давно не смотрел телевизор — ничего умного из телящика прийти в голову не могло. Только шум и реклама, реклама, реклама... в те времена, когда он еще заглядывал в этот магический ящик, ему иногда хотелось врезаться по экрану чем-то увесистым. Ну а поскольку телевизор все-таки стоил денег, смотреть его он просто перестал. Чем Слава занимался в свободное от проверки тетрадей время? Сидел дома, мечтал, читал книги. Читать книги было его страстью, особенно — научную фантастику. Он иногда вспоминал, как в детстве сидел на скамейке возле дома августовскими вечерами и мечтал, что его заберут инопланетяне. Он, конечно, научится всяким там премудростям, вернется лет этак через триста важным галактическим посланцем — и весь мир, рукоплещая, будет его встречать. Так же как встречали Гагарина после полета — вся улица в бумаге, все орут. Он иногда думал — а что там за бумага была на улицах? Кто ее кидал? Но из-за возраста знать он этого не мог — ему было всего двадцать девять лет.

Как Слава попал в этот глухой городишко? Да сам на-

просился — после окончания педагогического института приехал работать учителем русского языка и литературы. Ему, идеалисту чертову, после множества прочитанных книг казалось, что поехать в глушь, дабы нести слово просвещения забытым властью детям — это очень, очень правильно. И вот он, петербуржец в бог знает каком поколении — учитель сельской... хм... ну не сельской, конечно — райцентр все-таки! — школы.

Что сказать... Эйфория скоро, очень скоро прошла. Остались серые, заполненные работой будни, редко прерываемые праздниками, во время которых коллектив школы собирался на сабанту и нормально глушил водку. Потом наступал «вечер любви», как он его называл, и учительницы, коих в школе было практически девяносто девять процентов (не считая его да трудовика, хромого дедка, не котирующегося в женской среде), договаривались между собой, кто и когда уединится с молодым энергичным учителем литературы.

Обычно это происходило в классе химии — видимо из-за того, что там стояли крепкие столы, которые выдерживали дебелих, охающих и ахающих учительниц. И без разницы — замужем они были или нет — в эти вечера все оказывались незамужними. А потом наступало отрезвление, а вместе с ним — новые трудовые будни.

Слава чувствовал, как эта пучина затягивает его, но плыл и плыл по течению, боясь признаться себе в том, что Прометей из него не вышло. Он с тоской вспоминал Петербург, давно бы туда свалил, если бы не упрямство и досада — мать предупреждала его, что он не выдержит и сбежит из этой тмутаракани через полгода — он жалкий интеллигент, книжный червь, который без ее помощи и защиты не способен ступить ни шага. Мать была человеком жестким, властолюбивым и своими эскападами добила лишь одного — он фактически сбежал из дома на свободу. Вот только свобода ли это? Вообще непонятно было — как мать его зачала. Вернее, как зачала — технически все понятно, а вот с кем? Он не знал отца — мать отказывалась о нем говорить. Вырос Слава довольно красивым рослым парнем, чем-то похожим на мать, только в мужском вари-

анте. Он подозревал, что в ее жизни не все было просто — работала она переводчицей при туристических группах и моталась с иностранцами (скорее всего так он и появился на свет — не от святого же духа?). Впрочем, все равно никогда не узнает... Да и не интересовался он отцом — жил себе и жил, и за это был благодарен судьбе. А мог бы и не жить. Жены у него не было, девушки тоже. Нечастые развлечения с учительницами кое-как удовлетворяли его тягу к противоположному полу, но он знал, что это ненормально — не иметь постоянной женщины. Впрочем, все равно спешил домой, чтобы взять в руки очередную книгу и уйти в иной мир, мир более яркий, более красочный, чем тот, в котором он вырос и жил.

Иногда Слава подумывал о том, что хорошо бы жениться, завести семью, его время от времени сватали к какой-нибудь женщине (в женском коллективе все считали своей обязанностью пристроить неженатика к какой-нибудь бабе). Почему-то всегда попадались или разведенки с детьми, или вдовы, тоже с детьми. Он с некоторых пор стал подозревать, что «сводницы» пристраивали к нему своих родственниц, сестер, подруг — чтобы сбросить ношу со своих плеч. Незамужняя сестра или подруга всегда представляет опасность — не дай бог, мужа уведет или просто соблазнит. Пусть уж лучше сидит дома с этим недотепой и не рыпается! А что, мужик завидный — рост сто восемьдесят восемь, блондин с нордическими чертами лица. Ну... немного худоват на местный вкус, так и что — зато выносливый, как все худые. Ручищи — вона какие! Как обнимет... аж косточки трещат! А то, что в очках — так читает слишком много. А повыкидывать книжонки — может, и зрение восстановится. Опять же, говорят, с этим сейчас просто: сделал операцию, вот тебе и зрение восстановилось! Бегает по утрам, не курит, по бабам не таскается... почти. В школе — это не в счет — тут все свои, типа по-родственному!

В общем, плыл Слава по течению, и скорее всего оно притащило бы его в мутное болото, если бы... Но обо всем по порядку.

Этот вечер, как уже было упомянуто, ничем не отличал-

ся от остальных — конечно, кроме родительского собрания по результатам первой четверти. Завтра должны были начаться каникулы, и в его сердце гнездилась радость — не придется тащиться в школу, не нужно будет снова и снова слушать шум и визг в коридорах. А также нытье своих коллег-женщин по поводу несчастной жизни и рассказы о том, что они купили за последнее время — включая шмотки и нижнее белье. Его раздражало, что бабы совсем перестали его стесняться и переодевались прямо при нем — вроде как по-семейному. Или словно он являлся неодушевленным предметом.

На улице было тихо, и хотя наступил конец октября, снег не выпал, лишь деревья раскачивались под ночным ветром, размахивая голыми ветками, сбросившими осеннюю листву.

Слава поехал, поднял воротник — до дома, в котором он жил, идти придется километра два. Этот одноэтажный домик администрация райцентра выделила новому учителю несколько лет назад. Там он и жил. Преимущества частного дома были очевидны — тихо, спокойно, никаких соседей через стену, значит, никто не кричал, не шумел, не мешал. Но очевидны были и неудобства — с частным домом больше хлопот и работы: требуется чистить дорожки от снега, платить за газ, да и отопление котловое. Но в общем-то ему тут нравилось — имелся огорожок, в котором он высаживал разные сорта винограда и любовался осенью тяжелыми гроздьями; было куда поставить машину. Машины у него пока не имелось, но когда-нибудь он ее купит... наверное). В Питере с парковкой проблема! И пробки... А тут — мечта! Впрочем, наверное, он себя все же успокаивал, выискивая преимущества в своей растительной жизни. Человек часто обманывает сам себя, на то он и человек.

Когда Слава подходил к дому (идти осталось метров пятьдесят), ему показалось, что на улице вдруг потемнело. Он удивленно похлопал глазами в очках в недорогой оправе — нет, точно потемнело. Тонкий месяц в небе вдруг перестал светить, словно его заслонило что-то, не пропускающее лучи. Слава поднял голову, вытаращил глаза и за-

мер на месте — над ним висела темная масса, почти не различимая на темном небе. Если бы не то обстоятельство, что эта глыба заслонила луну, учитель даже не смог бы увидеть, что над ним что-то такое есть — так эта штука сливалась с небом. Напоминало сие сооружение железнодорожную цистерну, висящую в воздухе без помощи техники: ни работающих двигателей, ни пламени из дюз, ни бегающих огоньков, как это принято у всякого порядочного НЛО, не было.

Учитель даже не поверил своим глазам и, закрыв их, тряхнул головой. Однако «цистерна» никуда не исчезла, а он вдруг почувствовал сонливость, ноги задрожали, и последней его мыслью было: «Вот гадость! Ну почему это случилось со мной...»

Пробудился он, как показалось, от тишины. В мире вообще не бывает полной тишины — в деревне лают собаки, мычат коровы, в городе сплошной фоновый шум, которого человек не замечает — машины, трамваи, люди — все шумит, все кричит. А тут — в ушах как будто заложило ватой, только слышался непонятно откуда взявшийся звон — дз-з-з-з-з-з-з... Мозг, отключенный от слуховых раздражителей, пытался таким способом восстановить привычные ощущения, рождал слуховые галлюцинации.

В глаза бил свет, идущий от потолка — белого, как будто это сплошная неоновая лампа. Вячеслав осмотрелся — узкая комнатка, длинная, как пенал, была похожа на купе поезда. Только без верхней полки. И без столика у окна. Собственно, и окон-то не было. «Полка» с упругим материалом, на которой он лежал, гладкий светлый пол, гладкие стены, за которые не цеплялся взгляд, — ничего такого, что помогло бы понять, где он находится. Покопался в памяти — НЛО! Тогда он уснул. А теперь — эта комната. Внутри похолодело — чего они хотят? Понятно, что его похитили, — но с какой целью? С детского возраста его понимание инопланетных контактов претерпело огромные изменения — теперь он опасался этих «зеленых человечков» и ничего хорошего от них не ждал.

Собрался с силами, сел на краю кушетки — голова закружилась, сильно захотелось пить. Сколько он находился

в беспамятстве — день, месяц? Где он вообще находится? Прижал руку к стене — никакой вибрации. Наверное, он сейчас где-то на их базе — говорили, что у инопланетян базы на Луне. Слава не верил, смеялся — чего им там делать? Если бы прилетели — объявили бы себя, и все. Впрочем, зачем им объявлять о себе? Кто им земляне? Еще раз пощупал стену и усмехнулся — с чего он решил, что должна быть какая-то вибрация? Вибрация — свидетельство низкого уровня технологического развития. Высокоразвитые механизмы при работе не издают никакой вибрации. Если пришельцы сумели построить такие летающие корабли... Какие корабли? Он ругнул себя — опять ушел в область мечтаний — в гадания на кофейной гуще, в рассуждения ни о чем! Может, инопланетяне собирают лучшие умы человечества для каких-то своих целей? Ага. Шашлыки из людей делать и пить кровь, а между делом бегать туда-сюда на своих треножниках-машинах!

От этих мыслей ему стало совсем тошно. Вячеслав рухнул на лежанку, закрыл глаза и провалился в тяжелый сон.

Следующее пробуждение было похоже на предыдущее, только сконцентрировался он немного побыстрее, и первая мысль мелькнула: «Уснул, как будто куда-то провалился! Или газ накачивают, или... гипноизлучатели? А что, вполне может быть. А может, это американцы? А что — воруют людей... нет, какие американцы — это что, до сих пор идет холодная война? Скорее можно было поверить в то, что воруют людей, чтобы разобрать на органы или для опытов. Только вот хрен редьки не слаще... Показались бы наконец-то, что ли? Ну что за уроды! Держат его в неведении!»

Слава встал с «полки», пошел к стене — поверхность вызывала ощущение чего-то монолитного. Постучал — звук шел глухой — стена, как оказалось, мягкая. Потолок — метрах в четырех над головой. Удивился — зачем такой высокий? Помещение действительно походило на узкий пенал — длина четыре-пять метров, высота такая же, а в ширину — метра два. Если это камера — как они справляют нужду? Кстати сказать — его здорово поджало...

Сел на полку, почесал голову — никак не мог избавиться-

ся от дурной привычки, принесенной с улицы. Мать всегда его ругала за это — вульгарный жест. Для люмпенов. Он злился по этому поводу — сама-то далеко ушла? Интеллигенция хренова... переводчица Интуриста. Уже потом он узнал, что частенько переводчицы подрабатывали проституцией, частенько стучали в КГБ, вернее, так: и подрабатывали, и стучали — поскольку было положено. Скорее всего, его отцом стал кто-то из прибалтов или шведов — мать была шатенкой, а он оказался блондином с соломенными волосами и рублеными чертами лица.

Вспомнил о лице, потер его ладонями, выдавил из глаз слезы, будто надеялся, что все это ему привиделось, как дурной сон, и исчезнет, когда Вячеслав проснется. Но нет — переполненный мочевой пузырь резко напомнил о том, что это не сон. Хотя — разве во сне подобное не снится? А, все равно, терпеть уже невозможно... Отошел в угол, потом опять лег на кушетку, закинул руки за голову и закрыл глаза. Что-то беспокоило, какая-то мысль... что-то было неправильно. Вот он сел... потер глаза, слезы выступили, потом — стоп! Как это он потер глаза?! А очки? Где очки? Очков нет! А как же он видит, рассматривает все вокруг? Он с детства полуслепой, в очках ходит! А теперь очков нет?

Вскочил. Сел на полке. Потом, не поверив, стал рассматривать все вокруг — да, видел он чисто. Посмотрел на себя — разглядел руки, ноги — все было по-прежнему. И так — информации у него ноль, и вместе с тем информации столько, что голова пухнет. А значит... значит... надо... спа-а-а-ать... Он упал на лежак и отключился.

...Звуки. Удар в бок — больно! Вскочил. Сел на постель. Вытаращил глаза и ужаснулся — перед ним был четверорукий... хм... человек? В общем — существо, у которого четыре руки, лысая пулеобразная голова и очень неприятное лицо с расплюснутым носом и маленькими, выпуклыми, как у рака, глазами. «Голем» что-то сказал, Вячеслав не понял, тогда уродец толкнул его вперед, схватил одной из рук за шкуру (кстати, удалось это представителю инопланетян очень даже легко, несмотря на то, что Слава был довольно высокого для землян роста и весил восемьдесят с

лишним килограммов). Короче, учитель полетел как мяч — аккурат через то место, где раньше была стена. Теперь стены не имелось, его клетушка оказалась открытой, как будто ее взрезали огромным ножом. Автоматически поискал глазами, куда все делось, замешкался и тут же получил такой болезненный удар по ребрам, что перекошился и дальше шел, уже согнувшись. Четверорукий запыхтел, зафыркал — похоже, это обозначало у него смех.

Обвел глазами помещение — длиннющий коридор, теряющийся вдаль — метров пятьсот, не меньше, и со всех сторон клетушки, клетушки, клетушки... Слава читал об огромных кораблях работоторговцев, но неужели тут каждому рабу предоставлялось отдельное помещение? Отдельная клетушка? Впрочем, а почему бы и нет? Каждого надо поймать, каждого сохранить — рачительный хозяин, если хочет довести пойманную рыбу живой, должен позаботиться, чтобы у нее была свежая вода, чтобы она дышала как следует. Вот только зачем им люди?

Потом Вячеслав увидел толпу землян, которую подгоняли несколько «четвероруков» — они держали в руках небольшие палки с хлыстами метра два длиной. Этими хлыстами подгоняли толпу. Учитель с ужасом увидел в ней женщин, стариков, мужчин — разных рас, разных национальностей. Они плакали, молились, что-то кричали. Четверорукие «пастыри», не обращая внимания на крики, подгоняли толпу, поднимали упавших пинками, били сапогами с окованными металлом мысами или теми же хлыстами. Одну женщину вырвало, когда кто-то из охранников хлестнул ее по животу, и пол тут же с шипением всосал рвотные массы.

Вячеслав брел в толпе, стараясь не отставать от основной массы и не вырываться вперед — быть в центре толпы гораздо безопаснее, чем идти с краю — он сразу вывел для себя эту формулу.

Пройдя с полкилометра, толпа, теперь состоявшая примерно из пятисот человек, завернула по коридору направо и оказалась в огромном зале, в котором спокойно разместилось бы и в десять раз больше существ. Перед толпой возвышалось что-то вроде столов или же выступов из пола,

на которых было валом навалено непонятное оборудование — похожие на небольших жучков круглые плоские коробочки диаметром сантиметра полтора. Коробочки валялись кое-как и напоминали тараканов, которых хорошо протравили ядохимикатами, отчего сейчас они и лежали вот так, сверху ножками.

В конце зала появилась группа людей, первым в которой шел человек земного (ну почти земного!) вида — его кожа была зеленоватой, а глаза имели вертикальные зрачки. Слава заметил это, когда человек подошел поближе. Впрочем, в окружении этого зеленокожего были существа разных рас, глаз учителя выхватил только двух особенно экзотических особей — один был покрыт мягкой шерстью, и Вячеслав отдал бы голову на отсечение, что это женщина, похожая на кошку, второй гуманоид походил на оборотня из сказок и ужастиков — волкообразная морда с торчащими наружу белыми зубами.

Толпа затихла, а человек с зеленой кожей вышел вперед и что-то отрывисто приказал охранникам. Те мгновенно, с завидной для их массивных тел грацией, рванули в толпу и выхватили из нее несколько человек — выбраны люди были, как заметил учитель, по расовым признакам. Негр, китаец (или японец?), европеец — в общем, постарались схватить тех, кто мог представить какую-то расовую группу. Потом по команде охранники схватили со стола «жучков» и приставили к головам своих пленников. «Жучки», к ужасу землян, стали шевелить ножками и двигаться, а потом под крики пленников воткнули эти самые «ножки» в кожу несчастных и укрепились на головах, в районе мозжечка. Крики людей затихли, они застыли в объятиях четвероруких, а весь спектакль стал развиваться дальше по совершенно неожиданному сценарию.

Зеленокожий начал что-то говорить испуганным пленникам с жучками, и было видно, что они каким-то образом начали понимать то, что он говорит. Тогда предводитель ткнул в негра, и тот стал говорить что-то на одном из африканских языков, вращая глазами и шлепая толстыми губами. Потом пришел черед японца — тот тоже что-то сказал, подталкиваемый охранником. До русского языка черед до-

шел после пятого выступающего. Это была девушка. Вполне симпатичная. В короткой юбке и в колготках. С распустившейся стрелкой — Слава отметил это автоматически, скользнув взглядом по ее стройным ногам. И вот ведь не тот момент, не те мысли в голове, а взгляд все равно скользил по коленкам к юбке, обтягивающей круглую, крепкую попку... Впрочем, внимательно присмотревшись, Слава понял, что на девушке была не юбка, а юбка-шорты, так это вроде называется. И открыто по самое не хочу, и в то же время все закрыто. Изумительное изобретение, скорее всего, мужчина придумал — чтобы девушки не боялись демонстрировать свои ноги.

— Они хотят, чтобы вы все приложили к головам эти штуки, тогда вы станете понимать и их, и друг друга! Это почти не больно, не бойтесь!

Голос девушки дрожал, на милом личике с расплывшейся от слез тушью кривились губы. У Славы заныло сердце — кто-то сейчас ее ждет, ищет — возлюбленный, отец с матерью... а она вот тут, с жуком на голове! Хотя насчет возлюбленного... девчонке лет восемнадцать, не больше. «И что?! — усмехнулся он про себя. — Я сделался школьным учителем до мозга костей! Они с четырнадцати, а то и двенадцати лет уже все знают о сексе и вовсю используют знания! В соседней школе два случая беременности у восьмиклассниц, а я тут разглагольствую, утверждаю, что она слишком молода для того, чтобы иметь возлюбленного! Одичал совсем в медвежьем углу...»

Следующий пленник повторил то же самое по-английски, Слава неплохо знал английский — немудрено, при матери-то переводчице.

— Эй, эти уроды говорят, что надо сию пакость на голову посадить, тогда будем их понимать. А кто откажется — накажут. Рожи мне их не нравятся, так что не шутите — лучше нацепите. Я все сказал! — Мужчина лет сорока с красным лицом, типичный американец, как себе представлял их Слава, отошел в сторону, всем видом показывая, что он ни при чем — только передал слова, и все.

Вячеслав не стал дожидаться окончания речей, он взял со стола устройство и с гадливостью, осторожно, посадил

его на свою голову. Стоящая рядом женщина со следами былой красоты на сорокалетнем располневшем лице с ужасом проследила за его манипуляциями и истерично взвизгнула по-английски:

— Не имеете права! Я гражданка США! У нас самый большой флот в мире и самая сильная армия! Если вы не доставите нас обратно туда, откуда взяли, вас уничтожат! Я требую американского консула!

Предводитель инопланетян что-то спросил у толпы людей с жуками, и краснолицый здоровяк перевел ему речь женщины. Слава не понял перевода — жук еще ползал по его затылку и не успел укорениться. Когда устройство ввело в него свои щупы, он вздрогнул от боли, на пару секунд потемнело в глазах, потому он и пропустил момент, когда к женщине, качающей права, бросился четверорукий охранник и вытащил ее на площадку перед предводителем.

Женщина пыталась что-то говорить, чего-то требовать, когда зеленокожий со скучающим видом достал из чехла на поясе что-то, похожее на рукоять складного ножа, взял ее в руку, и тут же над рукояткой завибрировал, заструился воздух, словно бы переливаясь в мираже. Вячеслав замер, он примерно знал, что сейчас произойдет, но такого все же не ожидал: инопланетянин сделал легкое секущее движение наискосок, женщина заткнулась, выпучила глаза, наклонила голову вниз, глядя, как опадает подол платья, напоминающий абажур настольной лампы. Потом половинка ее тела скользнула вниз и с хлюпаньем ударилась в лужу крови, хлынувшей из разрубленного наискосок туловища, как из ушата. Предводитель сделал что-то со своим страшным мечом, мерцание исчезло, оружие успокоилось в своем чехле.

Кровь с шипением впиталась в пол, а тело осталось лежать как памятник глупости и имперским амбициям.

— Ну, кто-то еще хочет что-то сказать? — скучающе спросил предводитель, и Слава с удивлением отметил, что он его прекрасно понимает. — Тогда быстро все надели мкаров!

В толпу побежали четверорукие, они щедро раздавали удары нейронными кнутами. Откуда-то Слава знал, что

это за кнуты, знал, что они называются болевиками! Удары сыпались направо и налево, пока один отчаянный парень не возмутился и с яростным криком не набросился на четверорукого, пытаясь отнять кнут. Его тут же сбили с ног, выволокли на площадку перед толпой и начали хлестать болевиками, пока парень не забился в судорогах, пуская пену.

Остановил расправу предводитель, сказав:

— Достаточно. Прыткий парень. Ему еще представится возможность показать себя. Скот нельзя переводить напрасно, скот — денег стоит.

Экзекуция имела успех — все пленники под ухмылки предводителя и его спутников, наблюдавших за процессом, наперебой хватали мкаров и сажали их себе на головы. Через минут десять толпа стояла и ожидала, что скажут захватчики. Вячеслав с интересом наблюдал за действиями своих товарищей по несчастью и думал: «Сколько раз видел в кинохронике колонны советских военнопленных, идущих бесконечным маршем по дорогам в фашистские концентрационные лагеря. И все время бросалось в глаза — немцев с автоматами и собаками в сотни раз меньше, чем этих солдат, — почему, ну почему они не бросаются на фашистов и не пытаются их убить? Ну да, погибнет много народа, но ведь остальные вырвутся! Но каждый думал: «Почему я должен погибнуть первым? А может, я еще и выживу?» — и все сгинули в лагерях смерти... Вот так и тут — ну что там эти четверорукие — их с десятков! Ну хорошо, плюс предводитель со свитой... еще десять — а нас ведь пять сотен как минимум! Почему все боятся? И я боюсь... потому что я лох. Я трусливый лох, трясущийся за свою жизнь, как и все они!»

От этих мыслей стало тошно, и Слава демонстративно сплюнул на пол, как бы утверждая свою независимость и желая хоть как-то нагадить своим поработителям. Естественно, на его «попытку бунта» никто не обратил внимания.

Предводитель терпеливо дождался минуты, когда все успокоились, и начал говорить. Его голос, усиленный каким-то невидимым устройством, летел далеко, доставал до

самых задних рядов. Вячеслав, вслушиваясь в его слова, с ужасом понимал, что теперь он точно попал, да еще как попал! И обратной дороги у него, похоже, нет.

Как оказалось, они находились на борту межгалактического корабля-матки, служащего для поимки «скота», так именовали эти существа тех, кого ловили на провинциальных планетах, не входящих в Союз Планет. Корабль назывался «Мезгрин». Он являлся собственностью человека с зеленой кожей, звали человека Наалок. Слава не вполне понял, почему земляне не знали о том, что их время от времени навещают подобные корабли, почему похищения совершались тайно, но решил узнать об это в дальнейшем, если, конечно, выживет. А вот с этим имелась проблема. Жить ему оставалось до тех пор, пока корабль не пришвартуется к базе на планете Алусия. Суть была в чем — он являлся рабом. Как и остальные пятьсот землян. Их предназначали для того, чтобы они умерли на потеху инопланетной толпе, продержавшись на ринге как можно дольше. И самое главное: вначале устроят большую резню, женщин и мужчин разделят на команды и пустят друг на друга — мужчин — на мужчин, женщин — на женщин. Те, кто выживет, будут обучаться в школе гладиаторов, в конце концов они все равно умрут, но немного позже. То есть — вариантов никаких.

Вячеслав не хотел и не умел убивать, но он и не хотел быть убитым. Альтернативы не имелось: хочешь жить — убивай. Их, насколько можно, подлечили (вот куда делось его плохое зрение!), мкары дали им первоначальные знания — общегалактический язык, на котором говорили все цивилизованные существа, кое-какие сведения о том, как жить в этом мире... и все. Больше никакой информации. Зачем информация скоту, который через несколько дней, а то и часов, умрет, оставив после себя лишь лужу крови и испражнений. Скот, он и есть скот.

Наконец Наалок сообщил, что сейчас они станут дожидаться своей очереди выхода на арену, а пока могут подкрепить силы концентратом из автоматов с едой и питьем.

Слава сразу почувствовал, что ужасно хочет есть, но не рванулся к стене, из которой вылетали брикеты, стоило

приложить к ней руку в определенном месте, а остался стоять, наблюдая, как народ давится, пробираясь за питательными брикетами. Опять у него возникла ассоциация: так фашисты кидали объедки толпе до безумия голодных красноармейцев, и те дрались за краюху хлеба. «Фашисты неискоренимы — что земные, что инопланетные! — подумалось ему. — Но будь он проклят, если доставит им больше удовольствия, чем это необходимо для выживания».

Через двадцать минут толпа рассосалась и засела чавкать, хрустя жесткими брикетами и шумно всасывая розовую жидкость из пластиковых прозрачных контейнеров — жидкость оказалась хорошим утоляющим жажду средством. А одновременно — легким наркотиком, снимающим усталость и поднимающим настроение. И сексуальное возбуждение. Это он тоже откуда-то знал. Видимо, в мкаре имелись какие-то зачаточные сведения на этот счет.

На вкус брикет напоминал ореховое масло или уплотненные грецкие орехи, а жидкость — залия — была похожа на обычный морс с кисловатым и вяжущим привкусом. Слава равнодушно съел брикет, лишь бы забить желудок и поддержать силы. Потом сел к стене, закрыл глаза и стал прислушиваться к своим ощущениям — стало полегче, и на душе посветлело. Землянин понимал, что это действует залия, но все равно было гораздо легче, даже несмотря на то, что он знал: это искусственная эйфория. Пленник расслабился, приготовился ждать — то ли смерти, то ли того, что ему грозило помимо смерти.

Рядом услышал пыхтение, крики, жалобный плач. Открыл глаза, посмотрел — здоровенный детина пытался содрать шорты-юбку с той девицы, которая понравилась Славе. Вернее, ноги ее понравились. Вернее... в общем, что-то ему в ней понравилось — может, ноги, может, попа, может, пухлые губки и наивный взгляд голубых глаз, неожиданных у брюнетки (наврное, крашенная).

Шорты уже практически сдались, и рука насильника — туповатого здоровенного парня лет двадцати с кепочкой-восьмиклинкой на голове — уже шарилась между ног. Все вокруг на всякий случай отодвинулись, не желая попасть под раздачу. Так всегда бывает: свидетелей много, а

вот помощи дожидаться не от кого. Да и свидетели-то сразу исчезают в какой-то тине, когда узнают, что надо ходить в суд, на допросы к следователю...

Слава терпел, пока не треснули кружевные трусики, и их обрывки не полетели в сторону — как завзятый интеллигент, он не хотел вмешиваться не в свое дело: не его же насилуют! Но стало тошно — насилуют девушку на глазах у сотен людей, и ни одна сука...

— Эй ты, придурок, — оставь девчонку! — Голос после долгого молчания прозвучал надтреснуто и хрипло.

— Кто придурок? — оскалился шпаненок. — Молчи, ботан, а то и тебе вдую! А ты, сучка, не вертись! — Парень пристроился и запыхтел дальше под рыдания девчонки, умоляюще смотревшей на Вячеслава глазами-льдинками.

Слава поднялся, подошел к лежащему на девушке уроду и с размаху, так, что стало больно ноге, пнул его в бок. Хрустнули кости, шпаненок отлетел на метр и заблажил гнусавым голосом:

— Уби-и-ил... убил, сука! Я тебя все равно достану! Я тебя убью, козел! — Слава подошел и с размаху пнул мерзавца, надеясь перед смертью сделать хоть одно хорошее дело — может, зачтется на том свете? Кастрировать такого урода — святое дело!

Шпаненок взвизгнул дурным голосом и потерял сознание. Девушка лихорадочно натягивала на голые бедра в обрывках колготок свои шорты-юбку, привлекавшую взгляды мужиков.

Слава со стыдом почувствовал, что заводится, глядя на ее манипуляции. Но возбуждение прошло, когда он увидел кровавые следы на ее бедрах: «Черт! А девчонка-то была девственницей! Мерзкий урод! Может, ему башку свернуть? Все равно терять уже нечего...» Вячеслав сам удивился столь кровожадным мыслям и усмехнулся — может, его мать согрешила со шведом? А что, потомки викингов — буйный народ... особенно когда нажрут в Питере. Или это финны нажираются? Да какая разница!

Девчонка осторожно перебралась поближе к нему и тихо спросила:

— Можно я рядом с тобой сяду?

— Сиди, — равнодушно сказал Слава и про себя подумал: «Мне только дружбы теперь не хватало — перед смертью... Да она скорее всего и не выживет — такая мелкая и худая!» Девушка действительно была невысокой, но Слава напрасно принижал ее достоинства — она была хорошо сложена, очень спортивна и, судя по всему, достаточно крепка. Конечно, что она могла сделать против сильного мужика? Драться надо уметь. Тем более сейчас, когда стресс явно уменьшал силы.

— Как тебя звать? — неожиданно спросила девушка. — Я — Лера. Валерия.

— Я Слава, — неохотно ответил он, помолчав с полминуты.

— Ты откуда родом? — не отставала девчонка.

— Из Питера, — с большой неохотой ответил он и предложил: — Давай помолчим, а? Надо подготовиться к тому, что нас ожидает.

— А что нас ожидает? — с неожиданной дрожью спросила девушка. — Может, мы еще выживем? Ну скажи, Слава, ведь выживем?

Вячеслав посмотрел на трясущиеся губы девчонки и подтвердил:

— Ну, конечно, выживем!

А что он еще мог сказать? Что через несколько часов им выпустят кишки? Что шансов нет ни у него — простого учителя литературы, ни у нее — не сумевшей защитить свою девственность даже от простого хулигана.

Тянулись минуты, переходили в часы — сколько их прошло, Слава не знал. Давно очнулся шпаненок, натянул штаны и отполз от Вячеслава подальше. По его лицу так и читалось: «Ну погоди, я тебя достану!» А время все тянулось...

Наконец прозвучали команды:

— Встать! Всем встать!

Забегали охранники, защелкали болевики, люди с криками, руганью и слезами стали подниматься. «Настал для кого-то последний час!» — подумал Вячеслав.

Их выстроили в колонны, разделили мужчин и женщин. Леру оттолкнули от Вячеслава, и ему почему-то стало

тоскливо — была хоть одна живая душа, с которой он мог поговорить. Недолго общались, но бывает так, что искорка проскочила — и все — люди уже не совсем чужие. Впрочем, эта искорка может так же неожиданно потухнуть, Слава об этом знал. Вот не было у него этой искорки ни с одной из женщин, с которыми он общался, даже при бурном сексе. А тут — пигалица какая-то в драных колготках, с синяками на бедрах, мазками крови на одежде, и поди ж ты... протянулась какая-то нить. Он постарался выбросить девушку из головы и сосредоточился на одной-единственной проблеме, над которой стоило задуматься: как выжить!

Когда Вячеслав наказывал насильника, поразился своей жестокости: никогда не бил человека с такой силой, с желанием если не убить, то покалечить. Покопавшись в собственной душе, пришел к выводу: люди, попадая в экстремальные ситуации, меняются — одни ломаются, становятся мягкими, как воск, текут под напором обстоятельств. Другие — сгибаются, терпят, сжимаются, как пружина, чтобы потом распрямиться и ударить со всей силой — к таким, скорее всего, относился и он, Вячеслав.

Впрочем, повода испытать себя у него до сих пор не было — если не считать случая, когда он выкинул из автобуса пьяного хулигана, одолевшего пассажиров приставаниями и матом. После того как он вышвырнул пьяного отморозка, схватил его за шиворот и метнул со ступенек автобуса, долго думал: «А зачем мне это надо было? Ну доехал бы себе... а если бы тот ударился головой? Меня бы засудили! Зачем полез?!» В общем, пошли нормальные рассуждения стандартного интеллигента, для которого важны только он сам и долгие разглагольствования о роли человека в мироздании.

...Их довели до круглой комнаты, которая, похоже, являлась лифтом или каким-то транспортным средством по типу челнока — это Слава понял, когда его сердце как будто ухнуло вверх, поднявшись до самого горла. «Лифт» был скоростной, но ехать в нем пришлось не менее пятнадцати минут, из чего он заключил, что от места отправления до места назначения большое расстояние — скорее всего де-

сятки километров. Запоздало подумал о том, что нигде — ни на корабле, ни в лифте, он не ощутил невесомости — вероятно, работали гравитационные аппараты, поддерживающие гравитацию на том уровне, на котором она находилась на планете Наалока. Он прикинул — где-то процентов шестьдесят от земной, слишком легким он себя ощущал, да и рост Наалока оказался высоким — при довольно тонких костях. Впрочем, это не мешало инопланетянину двигаться быстро и мягко, словно кошка. Движение, которым зеленокожий разрубил женщину, было таким отработанным, точным и быстрым, что стало ясно — тут действовал специалист и для него этого плевое дело. По прикидкам, рост Наалока был около двух метров, может, чуть побольше. А вот четверорукие оказались гораздо ниже ростом и массивнее, из чего Слава сделал вывод, что гуманоиды с планеты, обладающей большой силой тяжести.

Выйдя из лифта, пленники оказались в большом зале с кушетками. Больше там ничего не было — голые стены, залитые мертвенным светом, льющим с потолка, кушетки, знакомый уже пол, собирающий всю грязь — и больше ничего. Подумалось: а почему пол не жрет ботинки и вообще все неживое, что на него попадает? Стоит компьютер, обслуживающий эту систему, или, может быть... пол живой? Вячеслав пришел к выводу, что одно другого не исключает, и сосредоточился на изучении своих собратьев по несчастью.

Рядом сидел негр, похоже, из какого-то африканского племени (кроме масаев Слава никаких племен не знал и предположил, что это и есть масай). На африканце были набедренная повязка ярко-оранжевого цвета и множество бус тоже ядовитых, кислотных цветов. Лицо негра выражало решимость стоять до конца. Славе подумалось: понимает ли он, куда попал? Где оказался? Эти люди отстали от европейцев в развитии на сотни лет — знает ли он вообще, что такое лифт, что такое космический корабль? А может, и знает — может, они не такие уж дремучие, как думают европейцы. Американцы тоже на полном серьезе считали, что в России все ходят в шапках-ушанках, а по городам бродят медведи. Так и тут...

Слева сидел краснорожий американец — он был хмур, на его широком, немного располневшем лице бродила странная полуулыбка, придававшая ему несколько саркастический вид, будто мужчина смеялся над самим собой.

Заметив интерес Славы, он подмигнул ему и сказал:

— Ты русский, да? У меня предки из России, давным-давно уехали на Аляску. Представляешь — зарекался ездить к любовнице, обещал жене, что покончу с этим делом. А позвонила — и полетел к девке! Такая славная девка — двадцать лет, огонь! А мне сорок, и разве можно упустить такой случай? Ну скажи, часто двадцатилетние влюбляются в сорокалетних? Вот и наказал меня Бог. Только вышел от Сильвии, тут эта гадость... Теперь — ни жены, ни Сильвии — никого. Не спрашиваю, как тебя зовут, может, мне придется тебя убить... Извини, ничего личного, но я сделаю все, чтобы выжить. Хочется еще как-то потаскать свой зад по миру — пусть даже по такому дерьмовому, как этот.

— А ты его видел-то, этот мир? — усмехнулся Слава. — Может, он и не такой уж дерьмовый?

— Скорее всего, дерьмовый — грустно парировал собеседник. — Видал, как бабу разрубил этот зеленокожий урод? В хорошем мире так сделали бы? И за что? Просто за небольшую истерику... Знаешь, я не наци, но теперь у меня желание уничтожить всех зеленокожих. Плохая нация! Хороший зеленокожий — мертвый зеленокожий. Кстати, глянь на япошку — или кто он там — китаец, что ли... Сидит, как будто у себя на веранде — никаких тебе волнений, никаких беспокойств — медитирует. Я даже позавидовал. Тут думаешь, вспоминаешь все свои грехи и грешки, а он закрыл глаза — и спокоен! А нигер, — он незаметно кивнул в сторону сидевшего справа масаи, — видал, какой здоровый? Метра два ростом! Попробуй его одолеть, такого гиганта! Интересно, они нас выставят по одному или разделят на команды?

Скоро все выяснилось.

В зал вошел один из помощников Наалока и пролаял, скаля острые зубы:

— Сейчас всех поделят на две команды. Одна команда

станет биться против другой. Кто останется жив — получит шанс обучаться дальше. Кто погибнет — негодный скот. За вашей дракой будут смотреть наставники и выбирать себе лучших — для обучения. Остальных отправят на арену, их растерзают звери. Старайтесь показать себя, чтобы вас выбрала лучшая школа бойцов!

Люди зашумели, посыпались какие-то вопросы — но оборотень повернулся и вышел, он решил не обращать внимания на «скот». К людям подскочили охранники и пинками стали разгонять их по разным сторонам зала. Слава заметил, что масаи и американец остались на его стороне, а японца-китайца забросили на противоположную. Он нахмурился — этого вот спокойного узкоглазого стоило бояться больше всего. Впрочем, кто знает, какие неожиданности могут таиться в других людях? Может, вон тот пожилой мужик — мастер кун-фу или тайный убийца спецслужб? А этот парнишка с трясущимися от ужаса губами — специалист по рукопашному бою? Хотя — этот-то точно нет. Того и гляди обмочится...

Между разделенными мужчинами пробежали двое из свиты Наалока — они были почти неотличимы от людей — такие же и ростом, и чертами лица... если бы не вертикальные зрачки — точно можно было бы сказать, что люди. Гуманоиды ловко тыкали какими-то жезлами в землян, и у одной группы на местах соприкосновения с жезлом возникали красные мерцающие знаки, у второй — синие.

Слава тоже получил такую «печать» на грудь и с интересом заметил, что она пульсирует в такт его сердцу.

Наконец все завершилось, появился оборотень и объявил:

— Ваша задача — победить другую команду без оружия. Можно все. Нельзя только добывать потерявшего сознание. И самое главное — нельзя стоять в стороне: пассивные бойцы будут жестко наказаны, может быть, даже убиты. Сейчас подадут команду — красный пульсирующий свет — и вы пойдете вон туда, там откроется проход. Выйдете на арену и станете ждать сигнала. Опять вспыхнет пульсирующий красный свет, и вы наброситесь на противника. Будете бить его что есть силы. Об окончании боя вам

скажет тот же сигнал. Не спрашиваю, понятно ли вам: кому непонятно — тот сегодня умрет. Итак, вперед, будущие бойцы!

Запульсировал потолок, залил все красными сполохами, лица присутствующих сразу стали нереальными, как в дурном сне. Зазвучал мерзкий сигнал, напоминающий то ли сигнал «скорой помощи», то ли сигнал полиции, то ли... в общем, у всех без исключения связанный с какими-то дурными воспоминаниями и неприятностями. Ну кроме, может быть, воина масаи — по нему было видно, что он испуган, но изо всех сил сдерживается, старается не показать своего страха — мужчина масаи не должен бояться ничего! Ни боли, ни злых богов, посылающих ему страшные испытания! А что бой — бой, он и есть бой. Масаи готовятся к бою с младенческого возраста.

Колонны бойцов вышли на арену — а она оказалась поистине огромной. Сколько арена составляла в диаметре — определить оказалось невозможно: с два футбольных поля, а может, даже больше.

Слава задумался — как же эти скоты будут видеть происходящее при таких размерах арены? И тут же выругал себя за посторонние мысли — ну какое ему дело, как эти негодяи будут наблюдать за происходящим? Может, у них трансляторы какие-то? Вполне вероятно...

Вячеслав стал лихорадочно вспоминать все, что когда-то читал о рукопашном бое, о единоборствах.

Он не строил иллюзий — никогда в сферу его интересов не входили драки. На него мало нападали — он с детства был довольно высоким и очень сильным. — Когда вырос, глядя на его руки, можно было поверить в то, что некогда люди легко ломали подковы — кисти рук крупные, огромные, перевиты толстыми венами; а его худоба, о которой иногда с интересом рассказывали сексуальные партнерши, не была худобой туберкулезного больного — жилистое, сухое тело, как канатами, перевитое узкими стальными мышцами.

Мать всегда с завистью говорила, что дает же Бог некоторым людям возможность есть что хотят и когда хотят в любое время дня и ночи, и ведь ни черта не полне-

ют! А тут — только посмотришь на торт, и уже килограмм веса добавится! Она очень строго следила за своим весом, посещала тренажерные залы, и сколько Слава помнил, у нее всегда водились мужики, и не один. Его мать обладала довольно яркой внешностью и очень нравилась мужчинам. А они — нравились ей.

Похоже, что яркую внешность, которую не портили даже очки, она передала своему сыну, а вот откуда у него взялось жилистое тело с потрясающим обменом веществ — мать говорить отказывалась.

Итак — Вячеслав был довольно высок, выше среднего роста, очень-очень силен, вынослив, по свидетельству его сексуальных партнерш и собственным ощущениям после утренних пробежек. Но при всем при том он знал, что против спеца в рукопашке не простоит и минуты. Вернее, может, и простоит, но недолго. До тех пор, пока спец не отшибет ему голову. Короче, нужно было выработать стратегию боя.

Пока колонны шли к арене, выработал тактику — всегда становиться так, чтобы за спиной не было ни одного врага. Не бить кулаками, носками ног — и так одна нога стала побаливать после того, как пнул шпану, насильника Леры — бить надо тоже уметь, а он, похоже, отбил большой палец ноги. Хорошо еще, если не вывихнул, а только ушиб — болело ощутимо, заставляя не забывать о том, что добрые дела наказуемы. Значит, бить надо локтями, рвать руками, душить, швырять — благо, сила позволяет, а еще — наносить удары «твердым тупым предметом, предположительно головой», как было написано в обессмертившем себя протоколе осмотра тела потерпевшего.

Удары головой, кстати сказать, одни из самых страшных в рукопашке — такими ударами можно покалечить или даже убить, а для наносящего удар — максимум останется синяк на лбу, да потеряет ориентацию на долю секунды. Отдаленные последствия микросотрясений мозга в расчет не шли.

Отряды вышли на арену и по знаку распорядителей выстроились друг против друга нестройными рядами. От

вспышек пульсаторов, примостившихся на груди у каждого пленника, рябило в глазах, они сливались в бесконечную волну света, переливающуюся подобно неоновым огням рекламы. На лицах людей были написаны отчаяние и желание выжить — пусть даже за счет других. Впрочем, разве это не стандартное поведение людей в обычной жизни? Просто тут все было доведено до абсурда: хочешь жить — убей, забей, затопчи, порви!

Прозвучал сигнал, и люди с ревом бросились друг на друга, как две волчьи стаи, бьющиеся за обладание территорией. Было забыто все — рассказы родителей о том, как надо себя вести в обществе, проповеди на тему «возлюби ближнего, как себя самого», жалость и сострадание. Все подчинилось одной идее — убить и не быть убитым. Последних, тех, кто остался позади всех и впал в ступор, вывели из него жестокими ударами болевиков и пинками послали вперед, на бойню.

В этой толпе мало кто являлся специалистом по рукопашному бою, а может быть, и рукопашники забыли все, что умели, осталось лишь желание душить, кусать, выкалывать глаза и рвать рты — это все и происходило в действительности.

Слава тут же получил оглушающий удар в ухо, отчего в голове сразу зазвенело, закрыл ухо рукой, нагнулся и получил мощный удар в челюсть, благополучно выдержавшую зубодробительный напор.

Другой человек уже валялся бы на полу, но Вячеслав чудом устоял и успел захватить ногу бьющего, колено которого и врезалось ему в подбородок в то время, когда он, согнувшись, ощупывал больное ухо. Своими здоровенными ладонями Слава схватил нападавшего за бедро, приподнял, опрокинул на пол, а потом, взяв за грудки и за ляжку, поднял и с размаху метнул тело в толпу набегающих «голубых», разом выбив из их числа человек пять.

Сообразив, что эта тактика может быть успешной, он стал поднимать с пола упавших противников и с уханьем и ревом метать в куча-малу — в основном падали бойцы противника, иногда он цеплял и «своих», но, как сказал один покойный юморист, «вырвал я эту березу и загнал всех в

воду! И городских, и своих — когда мне их сортировать-то? Завтра на работу...»

Возле учителя образовался костяк сопротивления — рядом встали американец и масаи, оборонявшие его с боков, а он шел, как ледокол, сбивая с ног противников, разбирающая их, как кегли шаром для боулинга.

На него налетел японец-китаец, тот и правда владел какими-то приемами единоборств и быстро сообразил, что от Славы, возможно, зависит исход битвы — надо только поддаться ему как следует. Вот тут Вячеславу пришлось туго — за две минуты он получил столько повреждений, что не только двигаться, стоять стало трудно — сломанный нос, подбитый заплывший глаз, рассеченные губы. Японец бил в него, как в боксерскую грушу, и если бы не крепкий костяк Славы, он уже лежал бы на полу, покалеченный или мертвый.

Впрочем, Вячеслав и так лежал бы, если бы не американец, спасший положение — тот бросился сзади под ноги японцу, применив прием регби, япошка покатился через америкашку, и через секунду Слава успел захватить рукопашника за правую ногу. Японец был небольшого роста и весил килограммов шестьдесят — Слава поднял его в воздух, размахнулся, как дубинкой, и изо всех сил хряснув об пол, намертво вышиб дух. Он, вероятно, убил противника: глаза его были открыты и не закрылись после того, как бездыханное тело подпрыгнуло, словно мяч, и осталось лежать на полу.

Бой продолжался, Вячеслав убрал со лба прядь волос и посмотрел на происходящее — «красные» зажимали «голубых», но те, выстроившись кольцом, отбивались довольно активно, наносили пинки и не давали вытащить себя из плотного строя.

Неожиданно его спину прожгло, словно огнем. Он оглянулся — охранник махал ему:

— Давай, скот, бей, круши! Чего встал, ублюдох ленивый! Бей их!

Еще удар, и Слава чуть не кинулся на четверорукого, который с улыбкой на безносом лице ожидал, что пленник бросится на него и можно будет запороть его до смерти.

Это отрезвило, бывший учитель побежал вперед, туда, где добивали остатки вражеского отряда.

Посчитав, что лучше старой тактики ничего не придумать, он крикнул:

— Чего вы толчетесь вокруг них? Хватайте лежащих и бросайте в толпу! — И показал, как это надо делать, — поднял здорового мужика с выбитым, висящим на ниточке глазом, и метнул его в толпу противника, сбив с ног двух наступавших бойцов. Потом бросил еще одного, еще...

Его примеру последовали остальные «красные» — по двое хватали лежащих и, как кули, швыряли в обороняющихся. Через десять минут все было кончено — из «голубых» на ногах не осталось никого.

«Красные» стояли, тяжело дыша, крепко побитые, но живые — их осталось около двадцати человек. Сколько точно — Слава сосчитать не мог — у него мутилось в голове, трудно было дышать из-за сломанного носа. Сила — силой, но он чудом выжил после атаки специалиста по рукопашному бою. Будь кости его черепа чуть послабее, осколки переносицы вошли бы в мозг, и все закончилось бы так же, как у этих несчастных — пульсация их огней прекратилась.

Зазвучала сирена, заморгали огни сигнализации, и охранники стали подгонять оставшихся на ногах бойцов к выходу.

Слава посмотрел единственным глазом — другой был совсем закрыт опухолью — американец придерживал левой рукой правую, видимо, сломанную, масаи шел, сильно припадая на одну ногу, его лицо побелело от боли, как будто было присыпано мукой. Впервые Вячеслав видел негра, посеревшего, как мышь. Видимо, его ноге крепко досталось — левое колено распухло до размеров небольшого мяча. Если бы все происходило на Земле, Вячеслав сказал бы, что масаи не будет как следует ходить по меньшей мере год, а может, и вообще никогда — он крепко покалечен. Повреждения колена так просто не лечатся... впрочем... это на Земле. А тут могло оказаться по-другому? Пока он этого не знал.

ГЛАВА 2

Их развели по комнатам, похожим на ту, в которой он очнулся.

Двери захлопнулись, и голос откуда-то из стены сказал:

— Снять с себя всю одежду и подготовиться к омовению. После окончания омовения лечь на лежак и не двигаться.

Слава последовал приказу, сбросил с себя окровавленную, пропотевшую одежду и бросил в угол. Одежда тут же ушла в пол, который разве что не захрюкал от наслаждения. Вячеслав опять удивился — ну как, как он узнаёт, что это ненужная вещь? Почему он не жрет людей? И будто почувствовал усмешку какого-то громадного организма, в недрах которого находился. Но скорее всего, это ему показалось.

Душ ударил неожиданно, со всех сторон, струи били жестоко, как будто норовили содрать кожу. Вода оказалась горячей на грани невозможного, и когда задыхавшийся в круговороте струй Слава уже изнемог из-за страха вдохнуть водяную пыль, душ выключился, горячий поток воздуха в минуту высушил тело. Кушетка была уже суха — сделанная из того же материала, что пол, потолок, стены, она впитала воду и ждала своего клиента.

Слава лег и вытянул руки параллельно телу. Все болело, дышать было трудно. Неожиданно из кушетки начали расти побеги, похожие на длинные волосы или на паутинки, на которых летают паучки во время бабьего лета. Они извивались, тянулись к голове, к телу, Слава с отвращением увидел, как «паутинки» исчезают в его коже. Он не почувствовал ничего — никакого укола или боли — вероятно, эти волоски были такими тонкими, что организм их не ощущал. Больше всего волосков оказалось там, где его организм получил максимальные повреждения — например, у сломанного носа. Вот тут его что-то кольнуло, нос онемел, и Вячеслав услышал, как сломанные хрящи щелкнули — похоже, нос выправляли. Славе стало дурно — наблюдать за происходящим было очень даже неприятно. Но кроме того, похоже, он получил-таки сотрясение мозга

при двойном мощном ударе противника по голове. Сотрясения так просто не проходят, это он знал из прочитанных книг. Его охватил сонный туман, и Слава провалился в спасительную темноту, уходя от боли и надеясь, что, когда проснется, все станет по-прежнему — домик, книги, тишина и осенний вечер. Может, он уснул и ему все приснилось? Заснул с томиком Брэдбери, вот и результат!

Голова не болела, нога тоже не болела — пробуждение оказалось довольно приятным. Осмотрелся — он лежал голым, как Адам. Ощупал лицо — опухоли не было, нос на месте, глаз видел — великолепный результат! И все-таки все оказалось отвратительным... значит, это не сон. Значит, он и правда в плену у инопланетян и сегодня (вчера? позавчера?) убил как минимум одного человека. Тогда это казалось ему нормальным, а теперь при мысли о совершенном убийстве его вывернуло на пол, который все с тем же хлюпаньем поглотил вонючую жижу. От этого стало еще тоскливее.

Сел на кушетке, увидел, что на стене нарисован силуэт костюма — рубаха и штаны. Подумал — похлопал по этому месту, потом приложил руку — открылась ниша, в которой обнаружили штаны типа спортивных, рубаха, что-то вроде тонкого свитерка и башмаки — здоровенные, на несколько размеров больше, чем он носил, а у него был сорок пятый размер обуви.

Натянув одежду, сунул босые ноги в башмаки, раздумывая о том, что как ни предусмотрительны эти самые инопланетяне, но вот одежда — впору, а ботинки подобрать по ноге — ума не хватило. Ну ничего, походит, как в тапках. Куда деваться... Неожиданно ботинки сжались и облепили ногу, словно вторая кожа — он даже не чувствовал их на себе. Усмехнулся: земные обувные фирмы пошли бы на любое преступление, чтобы добыть секрет изготовления подобной обуви, обуви, подходящей для всех размеров.

Из стены раздался голос:

— После того как двери откроются, выйти и повернуть направо. Следовать по желтой светящейся линии. Вам бу-

дет предоставлена еда. Отклонения от направления движения вдоль линии наказуемы.

Стена раздвинулась. Выйдя, Слава увидел светящуюся линию, ведущую куда-то за поворот. Он пошел по ней, увидев впереди спины таких же людей, как он.

Линия закончилась в помещении, где по типу шведского стола было наставлено множество блюд — начиная от русских щей и кончая незнакомыми ему острыми и пряными закусками. Рисковать Вячеслав не стал, взял то, что ему было знакомо, — щи, пару бифштеков, какие-то салаты, сел за столик, сосредоточился на еде и на своих мыслях.

«Итак, первый раунд я выиграл. И остальные. Здесь те, кто выжил. Что дальше? Меня вылечили, накормили-напоили. Кстати, насчет поения надо поосторожнее. Похоже, что в еду или питье они что-то добавляют. Не зря я так спокойно воспринимал убийство и сам убивал, и это — на фоне явной эйфории. Похоже, все это — содержимое той водички. И сексуальное возбуждение в такой момент — тоже оттуда. Не зря же тот придурок напал на Леру!»

— Привет! Ты тоже тут! — Знакомый голос заставил его поднять глаза от тарелки, он не поверил тому, что увидел, — перед ним стояла Лера, живая и невредимая. — Можно я с тобой сяду?

— Садись, конечно! — Он смутился от неожиданности и чуть не уронил тарелку на пол. — Как ты? Что с тобой было?

— Что и с тобой, наверное, — грустно ответила девушка, замедлив движение, — погибла половина женщин, которые там были. Я упала где-то к концу — сама не думала, что у меня столько злобы. Зубами грызла противниц. Реально зубами — одной горло перегрызла, пока другая била меня по голове. Потом уже ничего не помню. Вспоминать жутко...

— Они опоили нас, без сомнения! — откликнулся Слава, помешивая в пластиковом стакане что-то похожее на чай. — Интересно, а откуда у них сведения о наших блюдах? Откуда они все знают? Похоже, давно за нами следят, как ты думаешь?